

Н. Н. Покровский

**ДОКУМЕНТЫ XVIII в. ОБ ОТНОШЕНИИ СИНОДА
К НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРНЫМ ОБРЯДАМ**

Как известно, народные обряды прошлых веков сочетают в себе генетически разновременные пласты, связанные как с языческими, так и с православными верованиями. Несколько одностороннее изучение языческих черт народного сознания периода позднего феодализма в последнее время все более дополняется анализом той связи, которая существовала между народными календарными обрядами и всей системой символов православной литургии, а через нее и с системой православного верования¹. Связь эта сильна и очевидна, но констатация ее, вместе с тем, вовсе не означает, что семантика календарных праздников является чисто православной. Речь идет несомненно о многовековом приспособлении, переработке народным сознанием обрядов и догм православия в духе традиционных категорий мышления и потребностей; результат этой постоянной творческой работы народного сознания не мог быть адекватен официальной церковной системе взглядов и ритуалов, хотя и был связан с ней многими нитями.

В этом плане особенно ценны сведения источников о взаимоотношении официального церковного и, условно говоря, крестьянского православия, и в частности о борьбе церкви против тех элементов календарных обрядов, которые она с большим или меньшим основанием рассматривала как языческие, но которые сами крестьяне считали вполне совместимыми с православием (напомним к тому же, что степень терпимости церкви к таким элементам менялась)². Документы, свидетельствующие о борьбе православной церкви против многих календарных обрядов, четко привязанных к православному церковному календарю, — важный источник как для изучения народного сознания, так и для характеристики изменчивой политики церкви и государства по отношению к этим явлениям.

В XVIII в. на формирование государственной и церковной политики в этой сфере оказывали влияние разные факторы — церковная традиция, меняющиеся формы союза церкви с государством, общая секуляризация сознания в «век просвещения», шумно рекламируемая борьба императорской власти против религиозного фанатизма и суеверий (которая на практике, однако, легко оборачивалась инквизиционными розысками)³.

В архиве Синода (как и в местных консисторских архивах) отложи-

¹ *Понырко Н. В.* Русские святки XVII в. — Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков. Л.: Наука, 1977, с. 84—99 (Тр. Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. XXXII). См. также *Носова Г. А.* Язычество в православии. М.: Наука, 1975.

² *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947; *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. М., 1913.

³ *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974, с. 365—386.

лось немало документов, связанных с реализацией церковной и светской администрацией законодательства XVIII в., направленного против народных «суеверий». В ряде случаев речь идет непосредственно о народных календарных обрядах, которые обличаются как противоречащие церковному православию.

Наметившееся еще в петровское время (под влиянием соображений как политических, так и общепросветительских) неодобрительное и, вместе с тем, не лишённое противоречий отношение ко всяческим чудесам и «суевериям» развивалось и при преемниках Петра. Абсолютизм использовал характерную для XVIII в. общую тенденцию к секуляризации сознания для подавления любых проявлений церковной оппозиции светской власти, и законодательство против «суеверий» сыграло свою роль в борьбе с антипетровскими пророчествами и чудесами. Но по мере укрепления бюрократического руководства церкви как одной из частей обновленной государственной машины, Синоду удастся все успешнее использовать это же законодательство (несмотря на несомненные его просветительские черты) в качестве инструмента борьбы с противниками синодального варианта православия. При этом ему приходилось решать очень непростую задачу: что именно в народных верованиях и обрядах считать предосудительными «суевериями» невежественной черни, а что — трогательными проявлениями глубокой веры пейза в синодальные догматы. По отношению к народным календарным обрядам Синод чаще всего занимает непримиримую позицию. Это проявилось как в обобщающих законодательных актах («Духовный регламент», § 9), так и в особых постановлениях, посвященных отдельным праздникам и обычаям. Один из первых частных законов XVIII в., направленных против народных обрядов, связанных с христианским календарем, относился к пасхальному циклу и был принят в период значительного оживления церковной законодательной деятельности вслед за созданием Синода, 17 апреля 1721 г. («О принятии мер к истреблению суеверного обычая купания и обливания водою людей в Святую неделю») ⁴.

Особо следует отметить суровое законодательство 30-х годов XVIII в. против «суеверий». Оно открывается жесточайшим указом Сената от 20 мая 1731 г. о волшебстве и суевериях, который опирается на традиции Соборного Уложения и Воинского артикула. Указ предусматривал тяжелые наказания вплоть до смертной казни (сожжения) за действия, квалифицируемые как «волшебство». Практика применения этого указа церковной и светской администрацией показывает, что на основании его преследовались любые гадания, магические крестьянские обряды и т. п. ⁵ Показательно, что Синод принял решение подготовить в своей типографии второй тираж этого указа с тем, чтобы каждая из 17 763 русских церквей имела печатный экземпляр его ⁶. Делопроизводственные материалы Синода и консисторий свидетельствуют, что хотя в тексте указов 1730-х годов народные календарные обряды часто специально не упоминаются, на деле борьба с ними шла именно на основании этих указов.

Важнейшее значение не только в конце 30-х годов, но и в 40—50-х годах XVIII в. имел указ Синода от 14 ноября 1737 г. о борьбе с «суевериями» и «ложными чудесами». Ссылаясь на Духовный регламент, указ требовал от всех духовных властей «всемерно-испытно наблюдать следующаго: не делают ли где какие суеверия; не проявляет ли кто для скверноприбыточества каких при иконах святых, при кладезях и источниках ложных чудес, и мертвых несведетелствованных телес не разгла-

⁴ Полное собрание законов Российской империи, I. Т. VI. СПб., 1830, с. 377, № 3771.

⁵ Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24, лл. 24 об.—88.

⁶ Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА), ф. 796, инвентарная опись алфавитная № 20, л. 170.

шают ли к почитанию их за мощи истинных святых; не являются ли где кликуши и притворноюродцы и босыя, также и с колтунами и протчая». Поскольку устанавливалась система периодической отчетности всех епархий об исполнении этого требования, указ породил обильное дело-производство.

Наряду с конкретными судебно-следственными делами, возбужденными в соответствии с этим указом, до нас дошла часть епархиальных отчетов (полугодовых и годовых) о выполнении указа в 1737—1753 гг. В них содержится интересный материал о борьбе церкви с несанкционированными властью народными обрядами и обычаями. Для характеристики обстановки той эпохи особенно важно подчеркнуть, что объект борьбы определялся чисто бюрократически — зафиксирован ли данный обряд церковью как допустимый или нет. Само семантическое значение обряда при этом подчас отступало на задний план, хотя указ 1737 г. требовал бороться именно с теми обрядами и явлениями, кои законодателями считались неправославными. Поэтому в епархиальных отчетах сообщалось о мерах по искоренению и явно языческих обрядов, и таких, языческие элементы которых давно уже были «воцерковлены», приняты церковью, и, как это ни парадоксально, вполне православных культов местночтимых святых, которые отличались от других только тем, что они не были официально признаны Синодом.

Хотя цели, которые епархиальное начальство ставило перед собой, описывая в своих отчетах в Синод народные обряды, далеки от научных, подобные отчеты представляют определенный интерес. Приведем для примера описание купаний на Петров день в вятском отчете от 15 мая 1739 г.: «От города Хлынова верстах в четырех при болоте имеется источник, называемой Нижней Поток, к коему де месту издавна июня на 29-е число приходят многой народ, ис коего де посыланнми в прошлом 1738-м году пойманы поповским старостой при том месте мужеска шеснатцать, женска восемь человек, и в Вятском духовном приказе женск. пол допросами показали: Ко оному месту приходя, они по скаске мужеска полу и молились, и в тое воду бросали платы холщевые, денги, з головы нитки, которыми волосы привязывают, и тое воду пили и обливались. И сказывали де им мужеской пол, что тут бог есть, и молились они якобы богу. И найдено в том месте хлеба куски, сыру, яйца, шапки, рубахи, платы и подчепешники. Почему те люди для наказания отосланы в Вятскую правинциальную канцелярию»⁷.

В этом же отчете сообщается о том, что консистория выявила в г. Хлынове хорошо известный этнографам обряд ритуального поедания «кур русских», а также индеек жареных и вареных в праздник рождения Богородицы. Допрошенные в этой связи хлыновские «посадские жены» показали, «якобы в Рождества пресвятые Богородицы надлежит им по обещаниям при рождении младенцов куретнице приносить и употреблять только одними женами, а мужескому полу и девкам грех и не годится им есть. И оставшиеся кости относят в воду, а перья и черева тако и закрывают в землю, а протчая показали, что бросают и в воду — якобы за святые кости и перья и черева почитали». Как следует из отчета, исполнителями этого «из давних лет» идущего обряда в Хлынове были обитатели женской богадельни⁸.

Консистория настояла на поголовном наказании плетью всех арестованных по этим двум делам, провела суровую «чистку» среди обитателей богадельни и одновременно наивно пыталась засекретить все следствие. Окончательное решение по обоим делам было принято высшей светской властью: 11 июля 1739 г. Кабинет приказал Синоду проследить

⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 18, № 349, л. 289; см. также ф. 834, оп. 1, № 1701, л. 18 об., 19.

⁸ ЦГИА, ф. 834, оп. 1, № 1701, л. 19—19 об. Ср. Зеленин Д. К. Троицын пятница (этнографическое исследование). — Памятная книжка Вятской губернии на 1906 год. Отд. 2, с. 1—52.

за наказанием всех виновных, но следствие особенно не расширять, а для прекращения поклонения источнику вообще уничтожить этот источник, засыпав его. Синод постановил расходы по засыпке источника отнести на счет местного населения. К счастью, епархиальная осведомительная система на Руси работала плохо, иначе пришлось бы засыпать немало источников, рек и озер.

Предосудительный с точки зрения Синода характер подобных обрядов не всегда бывал столь очевиден. Не всегда церковным властям было легко решить, например, по какому разряду числить донесения о поклонении чудотворным источникам: как сведения о языческих суевериях или, наоборот, как свидетельства веры во вполне одобряемые церковью христианские чудеса (кстати, подобные проблемы вставали и в иных ситуациях — при определении отношения церкви к некоторым заговорам — молитвам, подозрительным мощам малоизвестных святых и т. д.).

В одном из епархиальных отчетов о выполнении указа 1737 г. мы читаем об интересном случае, показывающем, как трудно было оценивать крестьянскую веру в категориях синодальной церкви XVIII в. 19 марта 1751 г. Порфирий, епископ Суздальский, сообщал в Синод об обнаруженном в его епархии «суеверии»: трижды в год — на праздники Казанской богородицы, Ильин день и день происхождения честных древ — многочисленные толпы собираются на богомолье к чудотворному роднику близ с. Пинбур. Хотя епископ справедливо заподозрил в этом обычае языческое поклонение источнику и начал следствие, полученные им сведения можно было бы вполне уложить и в стандартную церковную картину праздничного богомолья у чудотворного источника. Оказалось, что местное духовенство именно так и рассматривало происходящее. Церковный староста с полным одобрением сообщил на следствии, что к роднику собираются «все обыватели и приезжие люди из разных сел и деревень, человек с пятьсот и более для моления.... А каноны во время тех праздников по пригласию их читал села Пинбур дьячек Андрей Васильев». Чудотворный источник был оборудован вполне православному: «у того родника поставлен столб и имеется святых икон довольно, в том числе и медных, и ходят де богу молится и подают денежное подаяние, тако ж и холсты, и от того де родника получают себе немалую прибыль».

В чьи руки попадала эта прибыль, из дела не ясно, но епископ во всяком случае сурово заклеил получение этих подаяний как корыстное использование народных суеверий, а сами праздничные сборища у родника — как обряды, противные православию⁹.

Во всей этой истории можно отметить ряд весьма типичных черт. Это, во-первых, сложный характер самого народного обряда, отправляемого в дни церковных праздников и сопровождающегося чтением канонов перед православными иконами, но имеющего в основе своей древний языческий обычай. Это, далее, примечательное расхождение в оценке обряда низшими клириками и церковной администрацией. Отметим, наконец, что, хотя в рассуждениях епископа ясно чувствуются идеологические и терминологические трафареты «века просвещения», по существу его оценка лишь декларируется — Порфирий не может построить убедительную систему доказательств.

Епархиальные отчеты о «народных суевериях», составлявшиеся во исполнение указа 1737 г., побудили Синод в 1741 г. просить у светских властей более активной полицейской поддержки воспитательных усилий церкви по искоренению крестьянского язычества. 13 мая 1741 г. Синод направил Сенату следующее весьма примечательное «ведение»: «Разсуждая о том, что высочайшим указом 14 ноября 1737 г. велено искоренять суеверия, о чем и распубликовано по епархиям, а понеже святейшему

⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 3, л. 19 об.

Синоду небезызвестно, что во многих благочестия российского вместо подобающего христианам благоговейства различная некая безобразия, безчиния и суеверия чинятся, а именно следующие: на 7-й после Пасхи седмице в четверток, иже пред неделю святого духа, завивают березки венками и обвязывают она, как чаятельно, с неким суеверным упованием и между тем чинят пиршества, скачки и пляски, мужие же и жены, а особливо в высокаторжественный Сошествия святого духа день, который в воспоминание преславных чудес и великих излианных благодеяний надлежит препровождать со всяким благоговением и веселием духовным, а оные безчинники в столь великий и святой день, вместо благоговения, вышеупомянутые березки износя из домов своих, аки бы некую честную вещь, с немалым собранием людей провождают по подобию еллинских пиршеств — овии в леса, овии же к водам с великою скачкою и пляскою (может быть, и не без сквернодействия) и с нелепым криком с неким суеверным упованием пускают оные венки в реки...».

Во второй части этого документа решительно осуждается разгульное веселье во время престольных праздников, когда «поставляются в развращение священному благочинию при тех церквах и монастырях кабаки и бывают кулачные бои, скачки и пляски, а в иных местах и конское ристание совершается». Синод подчеркивал, что из-за всей этой народной «невоздержанности» «вместо прославления Божия, бывает хула и грех тяжкий».

Все народное веселье на Троицу и на престольные праздники, все эти «великие скачки и пляски», «пускание венков» и прочее четко осуждаются Синодом как с точки зрения православного вероучения, так и с точки зрения права канонического и светского: «Заповеди божией противен есть сей злый обычай», осужденный еще 60 и 61 правилами Карфагенского собора и высочайшим указом 1737 г.

Плоды века просвещения видны в гневных филиппиках против темноты «невежественных суеверов». Но столь же характерным для XVIII в. является быстрый и естественный переход от просветительской теории к полицейской практике. Синод предлагал Сенату указать полиции, чтобы она строго следила за ходом праздников и пресекала все подобные «суеверия», чтобы полицейские чины «виновных наказывали и накрепчайше старались об искоренении этих обычаев, с ежемесячным рапортованием святейшему Синоду о наложенных на противников наказаниях».

Однако эта инициатива Синода не была подхвачена светской властью. Синоду пришлось ждать ответа на свое «ведение» целых два года. Лишь 16 июля 1743 г. Сенат ответил, что о территориальном и хронологическом размежевании деятельности храмов и кабаков во время праздников есть еще петровский указ 1722 г. (учитывающий как церковные, так и финансовые интересы), и что год назад вышел высочайший указ об общем запрещении кулачных боев. Все прочие предложения Синода, включая проект полицейского пресечения завивания березки на Троицу, Сенат оставил без ответа¹⁰.

Конечно, это не означало отмену указа 1737 г. Он продолжал быть основой судебно-следственной деятельности церковных властей и в 1740-х, и в 1750-х годах. Вместе с тем позиция Сената отражала определенную тенденцию, характерную для светских и церковных властей, все более проявлявшуюся в елизаветинское и особенно в екатерининское время. Не отказываясь в принципе от полицейского подавления противников церкви (например, посылая военные команды против «раскольников сборищ»), светские власти отнюдь не были склонны расширять подобную практику. Они считали, что как в интересах укрепления цер-

¹⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 326; Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. XXI, 1913, СПб., с. 257—258.

ковного авторитета, так и в интересах абсолютной монархии, следует реже прибегать к подобным мерам, ибо новые времена требуют более гибких и изощренных методов работы духовенства с «невежественными суеверцами».

* * *

На этом фоне особенно показательна история подробно аргументированного выступления против некоторых календарных обрядов одного из самых известных и авторитетных деятелей русской церкви XVIII в. Тихона Задонского (Соколова).

Еще в бытность епископом Воронежским, около 1765 г. Тихон Задонский посвятил два своих сочинения обличению широко отмечавшихся его паствой масленицы и праздника Ярилы¹¹.

В «Слове о сырной седмице» Тихон прежде всего подчеркивает, что специальное сочинение на эту тему, казалось бы, не нужно, потому что из церковных песнопений на сырную неделю ясно «как должно оную провождать». Однако «безчинное масляницы празднование», вопреки наставлениям церкви — «обычай... застарелый и с любовью содержимый» и чтобы его «опровергать и искоренять» требуется «горькое лекарство» обличения.

Эта главная мысль о несовместимости празднования масленицы с церковными наставлениями, церковной службой и даже основными догматами православия, подробно и умело аргументируется Тихоном. Центральная часть его сочинения построена на противопоставлении описания праздничного масленичного разгула и строгих церковных требований к кануну поста. Описание это не лишено интереса:

«Масляницы почти все ожидают так, как какого знатного праздника. Почему к празднованию ея заранее приготавливаются, а как приблизится, варят пива, меды, купуют вино. В самое ея празднование люди обоого пола убираются в платье лучшее, жены сверх того украшают, или паче сказать, портят лица своя различными красками на прельщение юных сердец, и уже из естественной доброты делают притворную личину. Приготавлиют и всякое, какое кто может, богатое кушанье, пироги, конфекты и всякие закуски, которыми украшают столы; тако приготовившися, друг друга в гости зовут, друг друга посещают. Чего тут примечать? Сделалась компания, последует испразднение бутылок, стаканы и бокалы никогда не изсыхают. Бывает здесь поздравление: здравствуй, братец или сестрица, с масляницею! От сего поздравления следует безчувствие. А далее чим еще веселие сему празднику делают? Не держится зло между стенами, не сокрывается в домех, выходит на публику, является по улицам, по стогнам, по дорогам, и бывает зло сугубейшее, зло соблазнами. Тогда непрестанное на конех ристание; тогда едини за другими аки привязаны следуют, протягивается долгий обоз, аки веревка соблазнов. К сим забавам придаются и другия немешья. Тут возносятся кличи, песни, а инде кулачные бои производятся; инде драки, брани, сквернословия слышатся. И так кажется, что и самый воздух соблазнами человеческими преисполнен, шумит. А что в ночи, что в тайных и сокровенных местах делается, о том и не говорю. Ибо бываемая отай от них срамно есть и глаголати» (Еф., 5, 12), (37—38).

Тихон Задонский приводит далее тексты церковных песнопений на сырную седмицу, призывающие к воздержанию и покаянию, а также к уставным ограничениям в пище, напоминает о запрещении литургии, венчания браков.

Сразу вслед за этим убедительным противопоставлением епископ Воронежский развертывает подробную аргументацию следующего очень важного для него тезиса: празднование масленицы не только противо-

¹¹ Творения Тихона Задонского, т. I, изд. 3, М., 1875, с. 37—42, 90—95; ссылки на страницы этой книги даются далее в тексте в скобках.

речит обязанностям христианина, но и есть прямое неповиновение церкви, что лишает упрямцев надежды на спасение. Здесь Тихон касается одного из существенных, на наш взгляд, различий между православием крестьянским и синодальным — вопроса об обязательности церковной организации для индивидуального спасения. Тихон снова и снова возвращается к этой важной теме, выстраивая следующую цепь аргументов: «И паки повторяю: кто церкви не слушает, тот не есть сын церкви; кто не сын церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не есть Христова овца; кто не есть Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни» (39).

Развивая далее тему о праздновании масленицы как нарушении церковных запретов, Тихон переходит к подробнейшей характеристике того, какой смысл вкладывает церковь в церковную службу двух воскресных дней, ограничивающих сырную седмицу. Эти службы, как известно, посвящены страшному суду и первородному греху. Трудно сказать, опасался ли Тихон связи в народном сознании последней темы с масленичным разгульным весельем. Примечательно во всяком случае, что он затратил немало сил, красноречия, проповеднического мастерства, чтобы растолковать традиционное церковное положение о том, что подобная связь может быть только негативной, что вспоминая о первородном грехе церковь требует не грешить, а каяться. Любое другое отношение к этому празднику не является, по мнению Тихона, христианским. «Да и само масленицы вышереченным (т. е. народным. — Н. П.) образом празднование есть дело языческое». Тихон поясняет далее: «Был у язычников ложный бог; изобретатель всякого пьяного питья, по-гречески называемый Вакха или Дионисий, по-римски Ливер, по-египетски Озирис. Сему скверному божку язычники учредили особливые в году праздники, которые и доньше по их наименованию называются вакханалии». Доказывая затем, что празднование масленицы во всем подобно языческим вакханалиям, Тихон добавляет, что эта его оценка относится не к одной масленице, «ибо на Руси так же и прочие празднуют праздники» (39).

По сходной схеме епископ Тихон строит и свое обличение языческого Ярилы и посвященных ему обрядов в канун Петровского поста (90—95). «Увещание жителям града Воронежа об уничтожении ежегодного празднества, называвшегося Ярило» эмоциональнее и риторически совершеннее «Слова о сырной седмице», но главные аргументы автора те же. Понятно, что вместо мясопустной и сыропустной недель здесь говорится о Пятидесятнице, церковное значение празднования которой умело противопоставляется картине народного гуляния в честь Ярилы. Впрочем, сама эта картина мало конкретна, хотя Тихон не только своими глазами наблюдал древний праздник в первый день Петровского поста «на поле близ московских ворот», но и расспрашивал о нем стариков. Он скрупулезно отметил при этом некоторое расхождение полученных им сведений о продолжительности праздника, начинающегося накануне поста и подчас захватывающего начало его. Это веселье он описывает почти теми же красками, что и масленицу: чревоугодие и пьянство, пляски, игры, кулачные бои. Один из первых биографов Тихона Евгений Болховитинов, рассказывая об истории создания «Увещения», существенно дополняет эту картину:

«На сборище сие избирался человек, которого обвязывали всякими цветами, разными лентами и колокольчиками; на голову надевали высокий колпак, сделанный из бумаги, раскрашенный и развязанный также лентами; лицо ему намазывали румянами; в руки давали позвонки. В таком виде ходил он пляшучи по площади, сопровождаемый толпами народа обоего пола, и назывался Ярилом. Повсюду видимы были игры, пляски, пьянство и страшные кулачные бои» (VI).

Бесспорное языческое происхождение этого праздника дало епископу Тихону повод напомнить, что «обычаи предков» далеко не всегда следует соблюдать, что возрождение славянского идолопоклонства противно православию и низводит жителей Воронежа до постыдного уровня других современных идолопоклонников («как то Хинцы, Японцы, Американе, Персияне и прочии», 94).

Особое значение Тихон уделяет при этом все тому же тезису о недопустимости неповиновения церкви и ее учителям; несколькими умелыми штрихами он связывает эти свои рассуждения с важными догматами православия о действии святого духа в апостольской церкви. В борьбе с народными календарными обрядами Тихон Задонский опирается на вполне определенную часть системы православного вероучения: на принятые на II Вселенском соборе дополнительные члены Символа веры (в данном случае на 9-й член — учение о святом духе и церкви), являющиеся теоретическим обоснованием невозможности спасения без подчинения церковной организации.

Конечно, обычным полемическим преувеличением звучит утверждение Тихона, что участники этих осуждаемых церковью празднований — не православные, ибо они идолопоклонники, язычники. Вряд ли уместны подобные категорические суждения и в научных оценках народного сознания. Но столь же ясно, что это православие особое, существенно не совпадающее с синодальным и подчас противостоящее ему.

«Увещание» Тихона — отнюдь не отвлеченное теоретическое изложение вопроса. Это — страстный призыв к заблудшим; а чтобы этот призыв был лучше понят, дается несколько практических рекомендаций такого типа: «Господа командующии, которым от благочестивейшия монархини поручен меч на устрашение злодеев и нечестующих! Устрашайте мечем сим и пресекайте безчиние и соблазны людей, противящихся слову истины» (94).

Обращение к светскому «мечу» в поддержку церковных увещаний — дело вполне привычное и традиционное в практике православных иерархов XVIII в., подкрепленное, как мы видели, и синодальным, и светским законодательством. Однако времена все же менялись, и когда через несколько лет Тихон попытается в своей борьбе с «нечестующими» любителями масленичных гуляний получить активную поддержку не только «господ командующих», но и самой «благочестивейшей монархини», ему грубо посоветуют знать свое место и не забываться.

* * *

Попытка «иже во святых отца нашего Тихона Задонского» побудить августейшую поклонницу Вольтера заняться искоренением разгульной славянской масленицы была предпринята в памятном для России 1773 г., накануне Крестьянской войны.

Пройдет несколько месяцев, и торжественно провозглашавшиеся двором Екатерины принципы российского аристократического варианта французского просветительства станут звучать куда глуше при известии о первых успехах «злодея Эмельки». Быстро возродятся многие карательные традиции, а гласно или негласно возрожденные пытошные ведомства империи привычно включают в круг своих розысков крестьянские религиозные суждения и утопические легенды.

Но когда 13 марта 1773 г. Тихон Задонский писал в Синод «покорнейшее представление» о масленице, это ужесточение политики было еще в будущем, хотя и недалеко. Официальное просветительство, естественно, включало осуждение «народных суеверий», и церкви вменялось в обязанность вести борьбу с ними. Казалось, здесь не могло быть расхождений между императрицей и церковными иерархами. Как светские, так и церковные власти хотели искоренения подобных «суеверий».

Но методы борьбы в начале 1773 г. они представляли по-разному. Хотя реальные основы союза церкви и государства не были затронуты политикой Екатерины, форма этого союза претерпевала существенные изменения. Не так давно церковь и государство прошли наиболее критическую точку в истории своих взаимоотношений, и Екатерина сурово подавила противников секуляризации церковных земель. Она рекламирует на всю Европу свою борьбу против «церковного фанатизма», уstraшенный Синод полон покорности и подобострастия и снова как при Петре I принужден расставаться с традицией относительной независимости церкви. Государство, в частности, более решительно, чем прежде, отказывается от средневековых методов борьбы с идеологическими противниками церкви (отнюдь не от самой этой борьбы). Петровское законодательство 20-х годов XVIII в. требовало от всех светских начальников немедленно, по первому требованию церковных властей, оказывать им всяческое содействие в борьбе с противниками церкви, предоставлять военные команды для арестов, экзекуций. Теперь государство все строже берет под свой контроль религиозные репрессии, все настойчивее требует от церковных властей вести борьбу с противниками синодального православия мечом духовных проповедей и увещаний и реже прибегать к мечу светскому, не выпрашивать у «господ командующих» все новые аресты и пытки для «суеверов».

В законодательстве Екатерины II, направленном на ослабление репрессий по духовным делам, последним (перед почти десятилетним перерывом, обусловленным Крестьянской войной), будет издан указ Синода 19 февраля 1773 г. о неприменении насилий при церковных увещаниях и пыток в духовных судах¹². Написанное через три недели после указа «представление» Тихона несомненно рассматривалось Синодом именно с этих позиций.

Многочисленные сочинения Тихона Задонского вскоре займут видное место в православной проповеднической и миссионерской литературе, станут важной составной частью того самого «меча духовного», который, по мнению екатерининских законодателей, должен был стать главным оружием церкви. И тем не менее реакция властей на действия Тихона в 1773 г. была резко отрицательной.

Синод увидел в «представлении» Тихона лишь осужденный государыней церковный фанатизм; синодальных чинов шокировал неподобающий тон требований, с которыми он обратился к императорской власти. Как можно было уже заметить из сочинений епископа Тихона 1765 г., отдавая должное духовным увещаниям и занимаясь ими неустанно, он не склонен был отказываться от помощи «господ командующих». Непрочность его успехов в борьбе с воронежским язычеством, о чем сообщает Евгений Болховитинов (V), побудила его теперь рекомендовать Синоду добиться специального «повелительного указа» императрицы об уничтожении праздника масленицы.

Были в письме Тихона и другие моменты, которые не могли не раздражать Синод 1773 г. Развивая в пункте 8 своего послания обычный христианский тезис о божьих карах за грехи, он допускает патетически-пророческий тон и осмеливается делать обобщения, звучащие политически двусмысленно: он подчеркивает, что «беззаконие и безчиние» в нынешней России настолько велики, что господь «весьма раздражается и изливает праведный гнев свой на отечество наше, как то частыя кровопролитныя войны, моровые язвы и прочие казни», которые многозначительно добавляет Тихон, «правителям отечества известны». Если же это «беззаконие» не будет пресечено, если не будут приняты предложения Тихона об искоренении масленицы, может наступить «или бо́лшая

¹² Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода, кн. I. СПб., 1860, с. 669—675.

казнь, или всеконечная погибель». Правительству приходилось уже слышать от противников секуляризации церковные угрозы о близости «все-конечной погибели». Сам тон подобных пророчеств, по мнению Синода, был крайне неуместен. К тому же в последних строках письма Тихон, хотя и в почтительных выражениях, осмелился напомнить Синоду о его обязанности заботиться о благе церкви.

Аргументация основной части «представления» Тихона, посвященной обличению языческого характера празднования масленицы, сходна с подобной же аргументацией в «Слове о сырной седмице» и имеет с ним ряд текстуальных совпадений.

Предложение Тихона добиться издания императорского указа об уничтожении масленицы, озадачило синодальных членов. Оно обсуждалось на заседании Синода 10 апреля 1773 г., но решения так и не удалось принять; лишь во время второго обсуждения 22 апреля члены Синода постановили инициативу Тихона осудить. Последовал указ Синода от 29 апреля 1773 г.

Следует напомнить, что в 1741 г. Синод сам обращался в Сенат с предложением законодательно запретить завивание березки и разгульное веселье на Троицу. В 1773 же году он решительно отверг сходное «представление» Тихона. Синод разъясняет Тихону его заблуждение, аргументирует официальную позицию. Эта аргументация примечательна.

Прежде всего Синод стремится опровергнуть утверждения Тихона, что народное празднование масленицы незаконно, ибо, по его словам, «масляница никакого церковного праздника не знает». Опровержение получает одновременно и церковное и государственное обоснования. Синод отмечает, что церковный устав допускает на сырной неделе некоторые послабления обычных постных правил, соблюдаемых каждую среду и пятницу. Но Тихон еще в 1765 г. справедливо отметил, что для сырной седмицы в целом церковный устав одновременно требует серьезные ограничения в пище («мясо — пуст»), связанные с последующими великопостными запретами.

Поэтому слабый церковный аргумент перекрывается государственно-бюрократическим: сырная неделя является праздником, ибо таковым ее признает правительство — «государственными узаконениями последняя сырная недели дни учинены от всяких и каторжных работ свободными». Даже привычный к образу мыслей и логике чинов Духовной коллегии читатель не может пройти бесстрастно мимо этих уникальных строк, с простодушной откровенностью объявляющих режимные порядки русской каторги высшим аргументом в богословском споре.

Этим и ограничивается синодальное доказательство того, что сырная неделя, вопреки мнению Тихона, вполне законный праздник.

Конечно, Синод не собирается оправдывать противные официальному православию элементы народных праздников. Но в своем ответе Тихону он переводит всю проблему в совершенно иную сферу. «Некоторые злоупотребления», происходящие на сырную седмицу и другие праздники «от простого народа», могут быть искоренены обычными церковными средствами — проповедью и наставлениями. Что же касается требуемого Тихоном императорского указа, то Синод формулирует в этой связи характерную мысль, столь созвучную прекраснородушным просветительским декларациям государыни: «Исправление нравов от поучения, наставления и духовного обличения зависит, а не от указов», поэтому и не следует злоупотреблять «мечем светским» в делах духовных.

Указ Синода заканчивается приказанием Тихону Задонскому, чтобы он, во-первых, срочно привел «мысли свои» в полное соответствие с вышеизложенным мнением начальства и, во-вторых, впредь «напоминаниями своими не причинял бы Святейшему Синоду затруднения, ибо Святейший Синод долг свой незабвенно помнит и исполняет».

Тихон смиренно ответил на этот суровый выговор «репортом о получении указа», в коем давал обещание неукоснительно соблюдать эти приказания и «впредь таковыми представлениями Святейший Синод не утруждать». Справедливости ради следует, однако, заметить, что на деле Тихон выполнил лишь эту последнюю часть синодального указа. «Мысли свои» он оставил прежними. Это бесспорно доказывается его сочинениями конца 70-х годов XVIII в.¹³

¹³ Творения Тихона Задонского, т. 4, изд. 3, М., 1875, с. 12, 273.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*В святейший Правительствующий Синод
от Тихона, епископа бываго Воронежского
Покорнейшее представление*

Известно всем, как безчинно и незаконно сырную седмицу, которая попросту называется масленица, а наипаче последние четыре дня, во всем отечестве нашем провозждают христиане, а паче простой народ, и почитают ее, как великий какой праздник: почему и чрез весь год ожидают ее и готовят к ней, как к великому празднику. А понеже

1) Безчинное сие масленицы празднование противно есть нашей святой церкви, которая через всю тую седмицу учит нас в своих стихах и песнях покаяния и есть преддверие святыя четырехдесятницы, но люди, именем христианским нарицающиеся, аки нарочно душеполезному ея увещанию противятся и более безчинствуют и свирепеют тогда, сего ради празднование тое церкви святой противно есть, и потому незаконное и душепагубное есть.

2) Сырная седмица, или масленица, ограничена такими неделями, из которых одна страх великий, грешникам имеющий быть, другая печаль и плачь нам представляет. Ибо прошедшая неделя мясопустная возвещает страшный божий суд, имеющий быть на грешников, на котором дела, слова и помышления богопротивныя обличаются и будут судитися, и от того последует грешникам воздаяние, мучение вечное. Следующая неделя, сыропустная, воспоминание творит плачевнаго падения в ран прародителей наших и от того им и нам последовавшего бедствия. Но масленицы безчинное празднование сих обстоятельств рассуждать не попускает людям, яко застарелый обычай [л. 1 об.] ослепляет//душевные глаза, и так не рассуждая заблуждают, яко что их к истинному покаянию привести может и должно, того они не видят. Все же тому виновно есть безчинное масленицы празднование.

3) Масленица никакого церковнаго праздника не знает, но есть простая седмица, как и прочии. Следственно и провозждать ее так, как и прочии седмицы, паче же по увещанию церкви святой, и ради прописанных во втором пункте обстоятельств, воздержнее и в покаянии должно.

4) И церковные праздники почитать и провозждать христианам должно не по идолопоклонническому обычаю в пьянстве и прочих безчиниях, но в благоговении, воспоминании чудесных дел божиих и прославлении имени его святого, чего и на всякое время христианская должность от христиан требует.

5) Масленицу люди почитают так, как праздник какой, потому что ожидают ее через весь год и готовят к ней, как вышепоказано. Того ради и есть тое празднование языческое, христианской вере и богу противное, следственно есть праздник, бесу посвященный и уповательно, что есть останок древняго идолопоклонническаго боснования.

6) Дети малые от отцов и матерей своих и прочие люди молодые от старых тожде безчиния учатся и так в последние роды безчинное и незаконное сие празднование имеет быть, когда не пресечется.

7) Люди добрые и тшавшиеся о Христе и ныне благочестно жить, о том праздновании болезнуют и соблазняются.

8) Сим празднованием, яко бесовским, как и прочими беззакониями, святыи и праведный бог наш, который на всякое беззаконие и безчиние человеческое с небесе своего смотрит, и котораго христианам верою, страхом и любовью почитать дол-

жно, весьма раздражается и изливает праведный свой гнев на отечество наше, как то частыя кровопролитныя войны, моровые язвы и прочие казни, правителям отечества известны, праведным его судом посылаются. Но когда безчиния и беззакония не умаляются, и люди не чувствуют наказующия руки божия, опасно, чтобы бóльшая казнь не воспоследовала [л. 2]. Казни бо, как из святаго писания видно, за грехи посылаются от бога. Того ради // когда грешники грехов не оставляют, но в них пребывают и ожесточаются, следует им или бóльшая казнь, или всеконечная погибель, яко же глаголет Христос: Аще не покается, вси такожде погибнете (Лук., гл. 13). И от гистории о фараоне, царе Египетском, известно, который посланными от бога казнями не исправившись, всеконечно погибл.

9) Многие люди, тако празднующии масленицу, не знают, что они тяжко грешат, чего ради требуют предосторожности и обличения.

10) Вси, тако празднующии масленицу, яко бесовский праздник, от надежды спасения удаляются, ибо многии от них, хотя и тяжко в сем грешат, однако ж греха своего не познают и за той не каются, без покаяния же истиннаго спастися невозможно. А хотя инии и каются в следующий пост, но понеже отстать от празднования того безчиннаго не хотят, потому что паки к тому празднованию приготавливаются и ожидают его, и когда придет тое время, празднуют, как и прежде праздновали, то и покаяние их не истинное есть, но ложное, ибо нет тамо истиннаго покаяния, где грехи не оставляются, без чего нет никакой надежды спасения, как бы человек ни ласкал себе.

11) Коль великое множество людей, кровию Христовою искупленных и имя его святое нарицающих от того погибает, всякому можно видеть.

12) Когда празднования того не будет, то упователно, что много безчиний и беззаконий убудет, и многии, познавшие все свое заблуждение [3 буквы неразборчиво.— Н. П.] в чувство приидут и, узнавше свой грех, истинно будут каяться, и так церкви святой немалое приращение и Христу, жаждущему спасения нашего, приобретение будет.

13) И в последние роды не упователно быть такому безчинному празднованию, ибо чего отцы делать не будут, того и дети не будут учиться.

14) Празднование тое, яко злый, застарелый и растленному человеческому естеству угодный обычай, без указу е. и. в. оставитися не может.

15) Вашему святейшеству поручил бог правление и попечение [л. 2 об.] о ползе всероссийския нашея церкви. //Того ради и мне, яко сыну отечества, заблагоразсудилось о вышеписанном вашему святейшеству ради ползы и спасения сынов отечества, братии моея, напомути по должности христианской и представить, не благоволит ли ваше святейство о вышеписанном благоразсмотрение учинить в ползу церкви христовой и ради уничтожения того празднования, яко застарелаго обычая, от ея величества повелительнаго указу испросить, о чом и представляю.

Тихон, епископ бывый Воронежский.

Марта 13 дня 1773 года».

На документе делопроизводительные пометы: «Получено апреля 3 дня 1773 года. Записать в книгу, предложить к докладу (л. 1); «з. 8 апреля 1773 года» (л. 2 об.); «слушано апреля 10 дня 1773 года; вторично докладывано апреля 22 дня 1773 года» (л. 1).

[л. 4] «Указ ея императорского величества, самодержицы всероссийския из Святейшаго Правительствующаго Синода преосвященному Тихону, епископу бывому Воронежскому.

Сего апреля 8 дня Святейшему Правительствующему Синоду, Ваше преосвященство, присланным представлением прописывая безчиния, а какия имянно не упоминаете, особливо де от простаго народа происходящие в седмицу сырную, просто называемую масленицу, требовали ради уничтожения того празднования, яко застарелаго обычая, от ея величества повелительнаго указа. А как устав святая церковь в оную сырную неделю в разрешении явствия и в среды и пятки большую пред прочими неделями дозволяет отраду, да и государственными узаконениями последния сырныя недели дни учинены от всяких и каторжных работ свободными, то и могут все и каждой таковым церкви и правительства сънисхождением пользоваться безгрешно. И если б в те дни, быв от должностей и работ уволенными, при незабвенном долга христианского исполнении, некоторыя ко отряде своей имели, без всяких, однако, безчинств,

увеселения сие предосудительным почитаться не должно. Что же надлежит до некоторых злоупотреблений, которые не в те токмо сырые, но и в другие великих церковных праздников дни, особливо от некоторых из простаго народа происходят, то для отвращения оных одолжены пастыри духовные в собраниях церковных и наедине христиан из слова божия поучать, чего от всякаго человека требует заповедь господня, как то и самым делом таковыя наставления в церквях при отправлении каждой службы божией от пастырей духовных и чинятся, что всякому христианину, ищущему спасения своего, довольно есть. Ибо исправление нравов от поучения, наставления и духовнаго обличения зависит, а не от указов. Того ради по указу ея императорского величества Святейший Правительствующий Синод приказали Вашему Преосвященству послать указ с подтверждением, дабы Вы с таковым Святейшаго Синода разсуждением соображали мысли свои и напоминаниями своими не причиняли бы Святейшему Синоду затруднения, ибо Святейший Синод долг свой незабвенно помнит и исполняет. И преосвященному Тихону, епископу бывому Воронежскому, учинить о том по сему ея императорскаго величества указу.

Апреля 29 дня 1773 года» *.

* ЦГИА, ф. 796, оп. 54, № 157, лл. 1—7